Дочь некроманта

Автор:
Ник Перумов

Дочь некроманта

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоЛетописи Разлома #6

Повесть «Дочь некроманта» входит в цикл «Хранитель мечей». Являясь, с одной стороны, самостоятельным произведением, в то же время она неотделима от истории, связанной с Фессом. Её герои Лейт и Бельт присоединятся к повествованию в книге «Война Мага. Дебют».

Тайные знания получает молодой некромант от расы человекоящеров дуоттов. Но за них приходится платить высокую цену: эта магия пробуждает Зверя, который хочет поглотить весь мир Эвиал.

Пророчество гласит, что уничтожить порождение Тьмы сможет только сын некроманта, убивший своего отца. Но рождается девочка…

Цель жизни сироты Лейт-Ниакрис, воспитанной расой воинов поури, – отомстить ужасному врагу, убившему её семью. Трудными дорогами пройдёт она, раскроет свой магический дар, страшным вещам научится. Всё ради мести. И лишь перед решающей битвой Ниакрис узнает, что биться ей придется с собственным отцом. Сможет ли она исполнить пророчество и спасти Эвиал?

Ник Перумов

Дочь некроманта

Он придет, мой противник неведомый,

Взвоет яростный рог в тишине,

И швырнет, упоенный победами,

Он перчатку кровавую мне.

Тьма вздохнет пламенеющей бездною –

Сердце дрогнет в щемящей тоске –

Но приму я перчатку железную

И надену свой черный доспех.

На каком-то откосе мы встретимся

В желтом сумраке знойных ночей.

Разгорится под траурным месяцем

Обнаженное пламя мечей.

Разобьются щиты с тяжким грохотом,

Разлетятся осколки копья, –

И безрадостным, каменным хохотом

Обозначится гибель моя.

Роальд Мандельштам

Часть первая

Клинок востребован

Наверное, когда-то это был прекрасный и величественный замок. Именно прекрасный и величественный, несмотря на то что выстроили его нечеловеческие руки и, собственно говоря, он даже не мог называться «замком» – укрепленным жилищем сеньора и его семьи.

Здесь до сих пор жили те, чьей расе в незапамятные времена пришлось уступить место в Эвиале человеческому роду. Отгремели две страшные войны: Война Быка и Война Волка – после чего уцелевшие отступили на северо-восток, за полуночные рубежи Синь-И, где, всеми позабытые, продолжали тянуть лямку жизни. Их оставалось немного, однако жили они долго и умирали редко. Магия, которую не смогли отобрать победители, могла бы помочь изгнанникам устроиться гораздо лучше, но они берегли каждое заклинание, словно бедняк последнюю полудюжину золотых монет.

Долгие века в подземельях их замка продолжалась работа, медленная, неторопливая, осторожная. Маги древнего народа отринули незыблемые когда-то правила, пытаясь отыскать пути в области, испокон веков считавшиеся запретными и смертельно опасными.

О нет, они не приносили кровавые жертвы и не творили жуткие обряды, не вызывали демонов тьмы и не пытались обрушить на головы овладевших Эвиалом людей чуму, ураганы, пожары и другие бедствия. На такую мелочь древние не разменивались.

Временами в их работе случались заминки. Иногда – на целые годы. Иногда – даже на десятилетия. Это их не слишком трогало – что такое десять лет для того, кто проживет еще самое меньшее тысячу?

Древние думали, что о них все забыли, даже люди-волшебники, самые страшные враги, чья молодая магия некогда превзошла их утонченное, но слишком уж запутанное чародейское искусство. Но они ошиблись.

Нашелся тот, кому захотелось своими глазами взглянуть на Последнее Прибежище, как звали этот замок (а точнее, его развалины) нынешние хозяева.

Человек был еще молод, однако в длинных черных волосах, заплетенных сзади в причудливую косу, уже проблескивала седина. Узкие глаза с приподнятыми внешними уголками напоминали эльфьи, но тонкие губы и нос придавали лицу какое-то странное, пожалуй, даже несколько зловещее выражение. Оружия человек не носил, не было при нем и посоха, непременного атрибута волшебников, – хотя в одиночку проделать весь путь от пограничья Синь-И до Последнего Прибежища никто, кроме волшебника, просто бы не смог.

– Добрался, – прошептал он, глядя на странные, склонившиеся друг к другу треугольные башни, увенчанные причудливыми венками изогнутых длинных рогов какого-то давно исчезнувшего чудовища. Стены между башнями превратились в бесформенные груды щебня, сводчатая крыша длинного здания внутри обвалилась, а все подступы густо заросли резко пахнущей пустырницей, получившей свое название как раз за обыкновение укореняться вокруг давно заброшенных жилищ. – Добрался, – повторил человек, не двигаясь с места, словно чего-то ожидая.

Он оказался прав. Немного погодя высокие метелки пустырницы заколебались. Человек усмехнулся: ходить по зарослям обитатели этого места явно не умели. Не умели или разучились прятаться, подкрадываться, наверное, уже не смогли бы и ударить в спину. На долгие века люди оставили их в покое, не трогая жалкую горстку изгоев, – и кто знает, не ошиблись ли возгордившиеся победители?

Зеленые заросли раздвинулись, перед человеком появились три фигуры – вытянутые, удлиненные черепа, заостренные сверху, покрытые коричневатой чешуей, желтые глаза, окруженные мягкой бахромой коротких шевелящихся щупалец, безгубые тонкие рты.

Человек улыбнулся и поднял безоружные руки. Пришельцы не шевелились, просто смотрели на него, очень пристально, изучающе. Он не отвел взгляда, давно уже приучившись не бояться подобного.

– Зачем ты пришел? – наконец спросил один из них. Он говорил на языке Синь-И, с сильным акцентом, медленно подбирая даже самые простые слова.

– Я пришел учиться, – ответил человек на том же языке и тоже с акцентом, правда, легким. Синь-И явно не был его родным.

– Ты – враг, – услышал он. – Мы не учим врагов.

– Я не враг. Присмотритесь получше, – ответил человек, широко разводя руки в стороны, вздохнул поглубже, задержал дыхание и, не мигая, взглянул в желтые глаза.

Он ощутил напор Силы, слишком далекой и слишком чужой, чтобы мгновенно уловить управляющие ею законы. Не пытаясь сопротивляться, раскрыл навстречу ей свой разум – так вежливый гость протягивает хозяину свое оружие, сам стоя в тени вскинутых и готовых для удара мечей.

Кажется, ему удалось их озадачить. Они переглянулись – даже на уродливых, с человеческой точки зрения, масках, заменявших им лица, где не отражалось ничего или почти ничего, – проступило нечто, похожее на недоумение.

* * *

Он не был засланным прознатчиком. За его плечами не было лукавой школы Ордоса, не было и хитросплетений Волшебного Двора. У него был наставник, колдун-самоучка, бывший наемник, шатавшийся с разными ротами по всему Эвиалу и поднабравшийся приемов и заклятий – и у эльфов, и у людей, и у гномов, и даже у полудиких гоблинских шаманов. Способного мальчишку он довольно быстро научил всему немногому, что знал сам, – после чего перед переросшим наставника учеником встал вопрос, что делать дальше.

– Иди в мир, – сказал ему бывший наемник. – И вот что я скажу тебе, малец, держись подальше от ордосских магов. Ничему хорошему они тебя не научат.

– А как же ты, дядюшка Эйвери?

– Какой же из меня маг? Так, ковыряюсь потихоньку. А у тебя-то силенки настоящие, не в пример моим. Искать тебе надо того, кто тебя впрямь чему-то дельному научит.

– Но где ж такого найти, дядюшка?

– Не знаю, малыш, не знаю. Знал бы – сам бы помог тебе туда добраться. И думаю я, что иного пути, как в Вольные роты, тебе нет. Ты годами хоть и не вышел, да только в ротах любого, кто хотя б дым без огня наколдовать сумеет, загребут с руками и ногами, так что потом и не отвертишься. Погоди, я не я буду, если к толковому ротному тебя не пристрою.

Старик Эйвери сдержал свое слово. Всего лишь полгода спустя его малолетка-ученик уже примерил алый бархатный берет «Костоломов Диаза».

Да, его ценили. Не ущемляли в добыче, хотя сам он, понятное дело, в разграблении городов не участвовал. Сперва не участвовал, пока не подрос и не наловчился как следует вертеть мечом. «Костоломы» то мерили тяжелой своей поступью дороги Семиградья, то разбивали шатры на самых подступах к сумрачному Нарну, то жарились на испепеляющем салладорском солнце. Знамена Вольной роты трепал соленый ветер на обрывистых меловых скалах Кинта Дальнего, их рвали острые сучья в джунглях Кинта Ближнего, они стояли под ливнем легких стрел из ядовитого тростника в топких болотах на берегу Южного Океана к востоку от салладорской Стены; врагами роты, случалось, бывали и люди, и нелюди, как-то раз они даже чуть было не взяли приступом тот самый Храм Мечей, о котором в западных пределах ходило столько страшных россказней, – правда, в последнем случае защитники Храма, не дожидаясь штурма, сами ворвались в лагерь осаждающих и учинили там форменную резню.

И он учился. Во всякое время, при любых обстоятельствах. Рота не раз и не два сталкивалась с враждебной магией – а нет лучшей школы для чародея, нежели открытый бой. Ты или превозможешь заклятье врага – или погибнешь.

Ему удалось выжить. Погибли его враги. С каждым выигранным боем рота смотрела на него со все большим и большим уважением. Ему несли найденные на мертвых амулеты и обереги – разумеется, если они не представляли ценности для нашедшего. Он и сам приноровился обирать тела – в первую очередь охотясь за магическими артефактами, пусть даже самыми слабыми или непонятными.

А потом ему повезло. Повезло вместе со всей ротой – их наняла сама Святая Инквизиция. Надо было положить конец одной из богомерзких ересей, которой, увы, предались и некоторые из прошедших обучение в Ордосе волшебников. На подавление мятежа разящий кулак матери нашей, Вселенской Церкви Спасителя, отправил своих лучших отцов-экзекуторов, в свою очередь владеющих великим даром святого чародейства.

В битве с обеих сторон сошлись мечи и магия. Но тяжеловооруженная, скованная железной дисциплиной рота раздавила наспех оборуженное крестьянское ополчение, а маги-отступники не смогли помочь своим, будучи связаны по рукам и ногам поединком с инквизиторами.

Там он и нашел свою первую настоящую книгу заклинаний. В горящем с одной стороны доме, рядом с мертвым телом – меч наемника оборвал жизнь чародея, волшебство не устояло перед простой сталью.

После того как все закончилось, отцы-инквизиторы долго и тщательно перетряхивали все уцелевшие строения, сносили в кучу зловещего вида книги в черных кожаных переплетах; а потом предали их огню. Перед строем роты прочитали строгий указ – всякие рукописания, найденные на поле боя альбо в домах, сдать всенепременно отцам-экзекуторам под страхом казни на медленном огне.

У него дрожали коленки: инквизиторы – это вам не обычный враг, за ними стояла сила, быть может, ничуть не меньшая, чем у магов прославленной Академии Высокого Волшебства или загадочного Волшебного Двора. И все-таки книгу он не отдал. И с трудом дождался ночи, чтобы начать читать – у костра, завернувшись в видавшее виды походное одеяло.

Он не знал, что ему достался один из томов Искусства ночной магии – робкой и неуверенной попытки самоучек нащупать дорогу во Тьму. Он не знал, что в лунном свете на желтых страницах из тонковыделанной человечьей кожи оживают совсем другие письмена, нежели днем. Только много времени спустя он начал догадываться, какой ценой оплачен каждый ее лист, каждая строчка. Да что там строчка, каждая буква в книге, казалось, написана была чистой кровью, хотя на самом деле это было, конечно, не так – кровь использовалась только для главнейших схем и начертаний.

Он погрузился в книгу целиком, с головой, забыв об окружающем мире. Блеклая луна услужливо светила сквозь желтоватые страницы, дрожали и расплывались буквы, внезапно меняя очертания; четкий почерк, сделавший бы честь начальнику Писцовой палаты имперского сената, сменялся каракулями, чеканные буквы эбинского алфавита – рунами северных мореходов с Волчьих островов, а порой и причудливыми эльфийскими завитушками. Он то и дело приходил в отчаяние, натыкаясь на совершенно непонятные фразы, обозначения и схемы.

Там говорилось о Великом Древе и Западной Тьме, источнике силы и свободы. Там говорилось, что настанет день, и с запада придет свежий ветер, которому суждено отрясти листья с ветвей Мирового Ясеня, и тогда каждый лист –

понимай: человек, или, точнее, его бессмертная душа – получит истинную, только во Тьме достижимую свободу.

Он не знал, что основой для этого труда послужили ставшие достоянием отступников отрывки из великих Анналов Тьмы.

Там перечислялись обитатели Ночи, подробно рассказывалось о всех мыслимых видах нечисти, нежити и нелюди, приводились заклинания, обереги, но самое главное – там имелись законы построения новых заклятий. Именно этот, наиболее тщательно оберегаемый секрет Ордоса ренегаты-волшебники предали огласке – и он попал в те руки, которых они ждали так долго и не дождались лишь совсем чуть-чуть.

После этого он уже недолго ходил с «Костоломами». Однажды ночью молодой волшебник просто исчез со всем своим нехитрым скарбом.

А еще через два дня рота попала в засаду и погибла вся, до последнего человека.

Потом было еще много чего. Он исходил Эвиал из конца в конец, побывав даже на Утонувшем Крабе, едва вырвался оттуда и дал себе страшную клятву в один прекрасный день вернуться и стереть этот проклятый остров с лица земли.

Но для этого нужно было знание, нужны были наставники, превосходившие по силам чародеев острова Запекшейся Крови, как он звался на исконном, древнем языке его обитателей.

Старые рукописи, разрозненные намеки, недомолвки и тому подобное, как ни странно, указали дорогу.

На восток, туда, к последней крепости истинно древней магии.

И вот его путь завершался. Нигде в мире он не нашел себе достойного учителя – его последняя надежда связана была именно с этим местом. Если его не станут учить змееголовые – больше ему идти будет просто некуда.

* * *

– Я не враг, – повторил он, глядя в желтые глаза. И на сей раз в них уже не чувствовалось подозрительности.

– Хорошо, – медленно упали тяжелые слова, и сердце его подпрыгнуло, словно в давным-давно забытом детстве. – Ты пойдешь за нами и будешь послушен. Хотя нет, ты никогда не станешь послушным. Что ж, мы постараемся, чтобы ты ненароком не стер наш замок с лица земли.

* * *

Дни, недели и месяцы под высокими сводами. Они свивались в причудливые спирали, и казалось, будто ты – в раковине громадного моллюска. Здесь не было привычных людям комнат, залов, коридоров и лестниц. Весь замок – система вырастающих один из другого спиральных куполов, пологих пандусов, висячих галерей. Здесь не принято было передвигаться на собственных ногах. Левитация, сиречь парение, – вот единственный достойный мага способ передвижения, говорили ему, земная плоть нечиста, она осквернена злобой и похотью; не отринув мира, не позабыв обыденное, ты никогда не проникнешь в тайны истинного волшебства, которое не смогли постичь даже чародеи Ордоса.

– Но вы же проиграли войну, – дерзко возражал он своим наставникам. И неизменно слышал в ответ:

– Война еще не закончена. Конец ей придет, лишь когда на земле не останется либо ни одного человека, либо ни одного дуотта.

– Значит, следует убить и меня? – спрашивал он.

– Зачем? – отвечали ему. – Победить в войне можно и не обязательно силой оружия. Пройдет еще много-много времени, и люди уйдут сами. Например, истребив друг друга в бесчисленных битвах. Так что нам даже не придется никого убивать. Наоборот, нам придется спасать – таких, как ты, потому что с уходом людей не должна исчезнуть их магия.

Откровенность поражала. От него ничего не скрывали. Ему прямо говорили – да, настанет день, и твоя раса погибнет, а мы, выждав и затаившись на время, как и

встарь, вновь будем властвовать над Эвиалом. Казалось бы, он должен возмутиться, если не броситься на обидчиков с кулаками, то по крайней мере покинуть это место, добраться до людских пределов, поднять тревогу, объяснить, насколько опасен этот медленно зреющий нарыв на теле Эвиала, – однако он по-прежнему оставался в Последнем Прибежище и ничего не предпринимал. Потому что слишком уж захватывающие горизонты тайной магии открывались перед ним.

Он узнал, почему его родной мир стал закрытым и что это значит. Он своими глазами видел в искрящемся кристалле приведшие к тому события, и кровь леденела у него в жилах, а дыхание пресекалось – он никогда не думал, что могут происходить на свете такие злодейства. Даже самый отвратительный, бесчеловечный преступник, лишившийся рассудка безумный палач, наслаждающийся мучениями и предсмертными стонами жертв, не додумался бы до такого.

Ему открыли, что Эвиал не одинок в пределах великой совокупности миров, именуемых Упорядоченным, границы которого неведомы никому, даже богам, если, конечно, таковые есть там на самом деле. Потрясенный, он впервые поднялся в астрал и даже выше, увидав отражение того, что его учителя называли Межреальностью и куда рожденным в Эвиале путь считался крепко-накрепко закрытым.

За звездным куполом, что словно гигантская крышка наглухо замкнул пределы Эвиала, он видел мерцание иных миров. Теряя сознание от восторга, он посылал своего бесплотного двойника вперед, как можно дальше, насколько хватало сил удерживать заклинание.

Да, ради всего этого стоило проделать пешком весь неблизкий путь от Ордоса до Последнего Прибежища.

Медленно, исподволь учителя подводили его и к тому, чтобы повернуть свой взгляд на запад, решиться посмотреть туда, где нет ни людских, ни нелюдских поселений, где безраздельно властвует Тьма, всеобщая, бездонная и непобедимая. Ему осторожно, не торопясь, раскрывали страшные секреты Анналов Тьмы, и он чувствовал, как по вискам и лбу его стекает пот, – книга говорила о неизбежном приходе Темного Мессии и кровавом урагане, что сметет весь мир после его появления.

Ничто в этом мире – ни золото, ни власть, ни утехи плоти не могли сравниться с чувством постижения неведомого.

Змееголовые не требовали платы, они учили пришельца, казалось, как одного из своих. За исключением единственного – с ним никогда не говорили на их родном языке. Даже книги, которые он читал, специально для него переписывались человеческой речью. И на все его просьбы следовал вежливый, но неизбежный отказ.

Он так же вежливо кивал в ответ, не задавая больше вопросов. В конце концов, каждый имеет право на свои странности.

И вновь времена года сменяли друг друга в вечной, неизменной погоне, за окнами то выла вьюга, то неслись сорванные ветром осенние листья, то ярко светило весеннее солнце, то тяжко наваливался летний зной. Однако обитатели Последнего Прибежища мало обращали внимания на время. В замке ничего не менялось. Ничего не происходило. Что такое «праздник», тут не знали. Здесь вообще не знали ничего, кроме работы.

Мало-помалу человека допускали до все более и более важных ритуалов. Дуотты пытались понять, что же такое Тьма, откуда она взялась сама и откуда, собственно говоря, взялась ее Сила.

И он, захваченный этой лихорадкой, подобно своим наставникам, едва не забыл об окружающем мире. В небольшой каморке, где он обосновался, были только голые стены да лежак. Ничего больше. Он не нуждался в уюте и комфорте. Он не нуждался ни в чем, кроме знания.

Однако пришел день, когда и его учителя попросили кое-что взамен.

Была глухая осень, здесь, на дальнем северо-востоке громадного континента, уже вовсю пели победную песнь холодные полуночные ветры. Последнее Прибежище штурмовали неисчислимые полчища незримых воздушных ратей, вытягивая, высасывая тепло из-под спиральных куполов, несмотря на все усилия мастеров – заклинателей погоды.

Но внизу, в подземелье, было тихо. Пахло разогретым металлом, какой-то кислотой, еще чем-то неуловимым, вроде специй. Вокруг царил полумрак, лишь

слабо светились голубоватым извивы купола над головой.

Разумеется, он не раз бывал здесь. Главный заклинательный зал Последнего Прибежища. Несколько раз ему доверяли участвовать в сложных и тонких магических построениях, требовавших совокупных сил всех чародеев древнего народа. Но обычно подготовка к такому действу начиналась загодя, и он знал обо всем заранее. Сейчас же все происходило как раз наоборот.

Его позвали внезапно, оторвав от чтения манускрипта, посвященного одному из труднейших и тайных разделов тварной магии – некромантии. Он уже давно интересовался ею, справедливо полагая в стихии смерти и разрушения могучий противовес оружию магов, именующих себя «Светлыми»; вивлиофики Последнего Прибежища содержали немало рукописей на эти темы. Сами дуотты уделяли этому не слишком много времени, повинуясь своим неимоверно сложным моральным запретам и установлениям, вникнуть в которые обычный человек, пусть даже и маг, не смог бы даже за десять жизней.

Большинство этих трактатов оказались переводами с другого древнего языка, языка тех, чье имя в буквальном переводе с речи змееголовых означало не то «титаны», не то «гиганты»; утверждалось, что они появились тут чуть ли не одновременно с дуоттами, если вообще не раньше. Но в отличие от змееголовых, относительно быстро расселившихся по берегам теплых морей, основавших царства и империи, титаны обосновались на одном-единственном южном острове, отгородились от мира, где и занялись какими-то своими делами, оставшимися непонятными даже многомудрым дуоттам.

Тем не менее некая часть их трактатов оказалась в руках змееголовых – что означало все-таки не полное отгораживание титанов от мира. Дуотты то ли купили, то ли выменяли труды, посвященные тому, чем они сами не занимались, – магии смерти. После чего древние рукописи множество веков пролежали без движения – змееголовые не нашли им применения даже в черные дни собственного разгрома.

Что потом произошло с означенными титанами, манускрипты повествовали скупо. Вроде бы они сумели найти дорогу прочь из закрытого Эвиала и покинули его, пройдя великим звездным путем куда-то за пределы ведомого мироздания. А чтобы их наследство не досталось бы никому, они затопили свой остров, так что не осталось ни малейших следов, которые не отыскать, опустись ты даже на дно морское.

Это было интересно, но не больше; у ученика дуоттов имелись куда более насущные дела и вопросы, которые следовало разрешить. И которые он разрешал – до того мига, когда за ним пришли посыльные хозяев Последнего Прибежища.

Его ввели в заклинательный зал, и он мимоходом удивился числу собравшихся здесь дуоттов, – вдоль стен выстроились едва ли не все обитатели древнего замка.

Тихо-тихо, на самом пределе слуха, шелестел тысячеголосый хор, повторявший одно-единственное слово на языке дуоттов – человек, естественно, не знал его значения, но отчего-то по спине его пробежала дрожь. Он уже давно не боялся никого и ничего, смело шагал в неизведанные области той же некромантии, заставившие бы трепетать от ужаса любого другого мага; но тут ему впервые за все проведенное в Последнем Прибежище время стало не по себе.

И притом очень сильно.

Он остановился. Еще в далекой юности он научился разумной осторожности, пока шатался по Эвиалу под флагом знаменитых «Костоломов». Никогда не следует соваться в воду, не зная броду, – он в полной мере разделял мнение безвестного автора сей пословицы.

– Что смущает тебя? – проскрипел голос справа.

– Ты устрашился неведомого, человече? – проскрипел голос слева.

– Нельзя колебаться, нельзя колебаться, – подхватили все остальные дуотты, стоявшие вдоль стен.

– Я не понимаю, – начал было он, однако его тотчас прервали.

– Магия крови, человече, магия крови. То, что мы не можем ни постичь, ни воспроизвести. Это дар только вашей расы, почему – мы не знаем. Но сегодня мы хотим положить конец нашему незнанию, – торжественно-скрипуче провозгласил старый дуотт, выступая ему навстречу: тот самый, что в свое время встретил его, пришедшего проситься в ученики.

Человек на миг напряг мускулы и снова расслабил их. Он не забывал и о честной стали, он не заплыл жиром и не растерял боевого умения, что не раз спасало ему жизнь во время походов Вольной роты; если надо будет, он сумеет прорваться силой. Дуотты почти все стары, они плохо владеют оружием; но сперва надо все-таки понять их намерения.

– Вы хотите принести меня в жертву? – спокойно спросил он.

Дуотты позволили себе тихо рассмеяться.

– О чем ты говоришь, ученик? Желай мы принести тебя в жертву, мы сделали бы это так, что ты ничего бы и не заметил. Трудно ли подмешать сонное зелье в твою пищу или оглушить внезапным ударом из-за угла? Смог бы ты помешать нам? Так что иди вперед и не бойся.

– Я не боюсь, – он сделал шаг, другой, несмотря на не отпускавшую его тревогу. Что-то было не так. Слова дуотта казались разумными – но, похоже, слишком уж разумными. Слишком уж старались змееголовые убедить его, что никакой опасности нет и в помине. А раз так, значит, опасность есть.

Тем не менее он вышел на середину. Рядом с ним никого не осталось, дуотты все как один прижимались к стенам.

Хор не умолкал, по-прежнему звучало одно-единственное слово, заставляя человека трепетать, внушая ему смутный, невнятный ужас, страх перед неведомым, перед тем, что в принципе невозможно ни описать, ни увидеть.

– Нам нужна твоя кровь, – прозвучало за его спиной. Скрипучий голос дрожал – или это только казалось растревоженному воображению?

– Моя кровь? – эхом откликнулся он, стараясь выиграть время.

– Твоя кровь, – подтвердили за спиной. – Не так много. Разрежь себе руку.

«Как же, – подумал он. – А если придется драться?»

Дуотт возник на мгновение рядом, протягивая темный обсидиановый поднос с коротким кривым ножом – для боя такой бесполезен, годится как раз (и только) вскрывать себе вены.

– Обойдусь, – грубо отрезал человек. – Обойдусь своим.

Из простых кожаных ножен появился его собственный клинок – широкий и длинный, в полный локоть. Таким, если надо, можно биться и против настоящего меча.

– Так все-таки, сколько вам нужно? – он старался говорить буднично и даже равнодушно, но дуоттов не так-то просто обмануть. Если они почувствуют его страх…

Собственно говоря, он не знал, чего же именно страшится, что же такого ужасного произойдет, если дуотты поймут-таки, что он боится. Но закон боя всегда один: враг не должен увидеть твоей слабости. А дуотты были сейчас его врагами, в этом он почему-то не сомневался. Несмотря на все проведенное в Последнем Прибежище время, когда они кормили его и заботились о нем, учили и оберегали. Но не так ли и обычный крестьянин заботится о своей скотине, заботится целый год, чтобы зимой забить на мясо?..

Он аккуратно уколол острием безымянный палец на левой руке. Если что – в драке не помешает.

– Пусть твоя кровь коснется пола, – прошелестело за спиной.

Он повиновался.

Темная капля нехотя оторвалась от кожи, пугающе медленно полетела вниз, светясь все ярче и ярче, разгораясь, полыхая, подобно живущей последние мгновения падающей звезде. Она летела, не замечая земной плоти, гранита, базальта и всего остального, той несокрушимой брони, перед которой бессильны даже кирки подземных гномов. Набирала силу и мощь, превращаясь из слабой крошечной капельки в могучий таран. Так небольшой камешек превращается во всесокрушающий камнепад, увлекая за собой со склона горы своих собратьев. Только в отличие от лавины капля крови ничего за собой не увлекала – просто сама становилась все больше и больше.

Человек зачарованно следил за ней – никогда еще его взорам не открывалось ничего подобного.

За его спиной зашевелились дуотты, он ощутил мгновенное плетение заклятий, сложных, непонятных, – его никогда не учили ничему подобному. Они словно к кому-то обращались, кому-то грозили, к кому-то взывали. Это было чародейство высшей пробы. Последнее Прибежище щедро вбрасывало Силу куда-то в нутряные земные слои, не грубую позаимствованную у Стихий, что, возможно, проделали бы маги Ордоса, не выклянченную у своего Спасителя, к коей прибегали отцы-инквизиторы, а сотворенную здесь, прямо на месте, возникшую почти что из ничего, из противоположностей, из естественного течения вещей, подобно тому, как любой человек изгоняет холод из своего жилища, разводя огонь в печи.

Вот только понять, какие же именно «дрова» горят на сей раз в топке, было невозможно.

Дуотты начали медленный ритуальный танец, отделившись в конце концов от стен. То разбиваясь на пары, то соединяясь в длинные цепочки, они пересекали зал из конца в конец, двигаясь какой-то странной, подпрыгивающей походкой, их руки то моляще прижимались к груди, то, напротив, словно бы грозили кому-то невидимым оружием – и каждый жест, каждое движение непостижимым для человека образом оборачивалось Силой, той самой Силой, что гнала ярко пылающую каплю его крови все глубже и глубже под землю – или же, возможно, куда-то через саму Межреальность.

Казалось, от него больше ничего не требуется. Всего-то одна капля крови для какого-то непонятного волшебства его учителей. Никто не обращает на него внимания, никто даже не подходит к нему, все словно бы забыли о нем, так стоит ли беспокоиться, похоже, дуотты и в самом деле сказали правду – им ничего от него не надо.

Вот только какое-то звериное чутье, которым в той или иной степени одарен каждый человек, то наследство, что досталось нам от четвероногих предков, зубами и когтями отвоевывавших свое право на жизнь, – именно это чутье не давало ему успокоиться окончательно.

Волк чувствовал настороженный капкан. И в то же время – вышедшую на охоту свору псов.

– Теперь твоя очередь, – услыхал он вдруг. – Твоя очередь, человече! Ты проникал разумом в суть смерти – пусть эта суть соединится с твоей кровью!

– Зачем? – он едва сумел разлепить губы. Задавать подобные вопросы во время чародейской церемонии означало нарушить все до единого каноны – но сейчас ему было не до канонов.

Свора уверенно взяла его след и сейчас гнала в незримую ловушку.

– Затем, что мертвое можно одолеть только мертвым! – грянуло в ответ со всех сторон. – Затем, что только нашими силами не преодолеть глубинных преград!

«Разве некромантия способна справиться с мертвыми же камнями? – чуть было не сорвалось у него с языка. – Разве так пробивают дорогу, хотя кто знает, где именно они ее пробивают?..»

Суть смерти не гибель, не распад, не уничтожение, как часто и ошибочно полагают страшащиеся ее люди, а переход, великий переход, новое рождение, обновление через гибель, освобождение из уз, побег из темницы.

Горе и отчаяние склепов, скорбь потерь, безумие надежд на встречу «там, за гранью» – все это он послал вдогонку остановившейся и плавающей в своем Ничто капле собственной крови. И ту Силу, что вызывает плоть умерших ко второй жизни, отвратительной и ужасной, он послал вслед тоже. Быть может, она пробьет барьеры?

«Остановись, что ты делаешь?!» – крикнул он сам себе, но было уже поздно.

Со всех сторон хлынул ликующий гимн. Никогда еще человек не слышал, как дуотты поют на собственном языке, – сегодня они, похоже, пренебрегли обычной осторожностью.

Он остался стоять, потерянно озираясь по сторонам – теперь ошибки не было, все и впрямь о нем забыли, поглощенные небывалым и непонятным ликованием.

Змееголовым удалось нечто очень важное – знать бы при этом еще, что именно.

* * *

На следующий день он, как обычно, отправился в вивлиофику. Однако на пороге зала манускриптов его остановили трое дуоттов, те самые, некогда встретившие его перед Последним Прибежищем.

– Тебе не туда, – проскрипели они хором.

Он замер, уже догадавшись обо всем, но еще боясь себе признаться в неизбежном.

– Твое учение кончилось, – сказали ему.

Порыв схватиться за кинжал он, к счастью, пресек вовремя. Не приходилось сомневаться, что дуотты хорошо подготовились к этой встрече.

– Уходи, – сказали ему.

– Почему? – спросил он – хотелось услышать, что они ему скажут и какую придумают причину – или не станут придумывать никакой?

Они не стали. Наверное, для этого они слишком его презирали.

– Ты исполнил то, что нам было от тебя нужно. Теперь уходи.

Почему они отпускают его? Ведь он наверняка опасен?..

Старый дуотт словно бы угадал его мысли.

– Если ты умрешь от нашей магии, все усилия окажутся напрасными. Поэтому иди. Больше ты здесь не нужен.

Все трое дуоттов разом повернулись к нему спиной и двинулись прочь, в глубь коридора, подозрительно быстро исчезнув во мраке, сомкнувшемся за ними, точно вода.

Больше он никого из этого народа не видел.

В одиночестве он собрал то немногое, что имел. В одиночестве пересек пустой двор. И в одиночестве, не оглядываясь, двинулся прочь от Последнего Прибежища.

Он шагал, криво усмехаясь, у него разом появилось сразу две цели: выжить и понять, что же за колдовство позволила совершить дуоттам его кровь.

* * *

О том, что приключилось с ним в дороге, можно было бы написать длинную сагу. Ему пришлось драться с красными монахами, орденом Охотников за Свободными, он побывал в знаменитом Храме Мечей, где его, единственного чародея за многие века, принимали с почетом; он тонул в болотах крайнего юга, в черной, кишащей гадами воде и спасся только чудом; он бродил по дикой пустыне, о которую разбивается натиск Полуденного Океана, в занесенных песком городах отыскивая древние рукописи, забытые свитки, частенько сжатые белыми пальцами скелета, пролежавшего в развалинах хранилища незнамо сколько лет; он искал, искал с муравьиным упорством и таким же упрямством, не веря, что тайное знание минувших веков сгинуло навеки.

Он прошел там, где спасовали даже маги Ордоса и Волшебного Двора. Знание некромантии помогло слиться со смертью, стать ее частью – и он поднял сам себя из-за великой грани, когда наконец добрался до оазиса.

Он был рядом с проливом, отделявшим Салладор от Кинта Ближнего. По правую руку вздымались вершины Восточной Стены, по левую – шумел океан, впереди, в дымке, на самом горизонте смутно виднелась земля. Глаз простого морехода не смог бы различить ее, но глаза некроманта давно уже не были глазами обычного смертного. Он забирался все выше и выше по лестнице истинного колдовства, зная, что в один прекрасный день за все это придется заплатить поистине небывалую цену. Однако он должен был понять, что же совершилось тогда, в

Последнем Прибежище – без этого он просто не мог жить.

Его заплечный мешок – прочный, из грубой толстой кожи, какую пробьет далеко не всякая стрела, – хранил немало свитков и летописей, найденных им в руинах некогда процветавшей страны сразу за Восточной Стеной Салладора. Не приходилось удивляться, что ни купцы, ни иные прознатчики так и не нашли сюда дороги, и древние могилы стояли нетронутыми – обитатели этого края как раз знали толк в некромантии и сумели поставить у своего последнего порога надежных и вечных стражей – разумеется, бестелесных.

Но что значила эта стража для того, кому случалось ходить куда более мрачными дорогами? Он прорвался сквозь их призрачные ряды, он вырвал бесценные летописи из мертвых рук – и он знал теперь, куда идти и что искать.

Вернее, ему предстояло не идти, а плыть. Плыть довольно далеко на запад, вдоль южных берегов благодатного Арраса – до островов Огненного архипелага. Отлично известные купцам и мореходам, населенные редкими и слабыми племенами, – какие тайны они могли скрывать?

Однако ж, утверждали свитки, скрывали.

Он вздохнул и двинулся к полуобвалившемуся колодцу – наполнить фляги. Предстоял последний, самый трудный переход – через мертвые, прокаленные солнцем горы. Пустыня все же таила в себе оазисы, и странник даже в одиночку мог преодолеть ее; горы были совершенно безжизненны, но иного пути к порту он не знал.

* * *

– Здесь, господин хороший, – сказал ему шкипер, немолодой уже краснолицый моряк с коротко стриженной седой бородой. – Не знаю, зачем вам потребовалось на этот остров, но скажу в последний раз – оттуда никто не возвращается, и вам туда соваться нечего. Добра ведь вам только желаю, – торопливо прибавил он, видя сдвинутые брови волшебника.

– Спасибо, капитан, – чародей несколько раз кивнул. – Спасибо, что беспокоитесь обо мне. Но, увы, есть вещи поважнее наших жизней. Прикажите дать мне

лодку, я доберусь сам. Начинается прилив, надо торопиться.

– Ну, как знаете, – буркнул шкипер и отошел давать распоряжения.

Некромант вздохнул. Путь до заветного острова оказался долог и труден, немало судов плавало из Салладора к Огненному архипелагу, но ни одно почему-то не останавливалось возле нужного ему места. Среди мореходов бытовало немало легенд об ужасе, живущем здесь, – и волшебник очень сильно подозревал, что расторопные маги Ордоса, у которых эта диковина находилась, считай, под боком, уже побывали тут. А тогда – прощай, надежда что-то узнать!

Ему оставалось только надеяться на удачу.

Остров возвышался из морских вод громадным усеченным конусом, над срезанной верхушкой курился темный дым. Пальмы теснились вдоль полосы прибоя, выше начинался голый черный камень.

Чародей выбрался на песок. Да, ошибки быть не могло. Он чувствовал Силу великую и равнодушную. И не удивительно, что он, похоже, первым из волшебников отыскал сюда путь – другие просто не почувствовали бы это, настолько странна и чужда обычному колдовству Эвиала была эта магия.

Он поднял голову, окидывая взглядом мертвый склон, покрытый застывшими потоками огненной земной крови. Трудновато будет туда забраться, но ничего не поделаешь, другой дороги нет и не будет.

А о том, что ждет его за острым краем кратера, оставалось только гадать. Конечно, если рукописи, найденные им в пустыне, не лгут.

* * *

Рукописи не лгали.

Человек стоял над округлой каменной чашей, заполненной кипящей человеческой кровью. Вокруг вздымались полуобрушенные стены зала дворца, возведенного в забытые времена чародеями забытого ныне народа. Он долго, очень долго искал это место – скрытое в кратере не погасшего, но давно уже не

извергавшегося в полную силу вулкана на крошечном островке Огненного архипелага, спинном хребте ушедшего на дно морское большого древнего острова, где некогда процветали науки и искусства, и прежде всего, конечно же, искусства магические. Еще и в помине не было знаменитой ныне ордосской Академии Высокого Волшебства, еще не заложили ни одного камня в фундамент того, что позже стало именоваться Волшебным Двором, дикие племена еще только-только постигали огонь, бродя по пределам того, что ныне стало Семиградьем, Эгестом, Мекампом, Аркином, Салладором или Империей Эбин, а здесь уже высились города и храмы ныне забытых и ушедших во Тьму богов, здесь творились великие заклятья; конечно, большую их часть маги нынешние смогли бы и повторить и отразить, если потребуется; но кое-какие шедевры, например вроде той чаши, над которой он склонялся ныне, не смог бы воссоздать даже Белый Совет в полном составе.

Предсказания, пророчества. Люди верят им куда больше, чем эти слова того заслуживают. В отличие от всех предсказателей и прорицателей эта чаша не оставляла места ни для сомнений, ни для колебаний.

Зверь родился. Звезды сошлись-таки на небосводе в злой для Эвиала час. И он, именно он, нес за это ответственность.

Плечи человека поникли, он сгорбился, словно под неподъемной тяжестью.

Теперь он знал все.

Титаны были истинными титанами. Они уничтожили свой собственный дом, но их сила обернулась против них же – часть их наследства уцелела. В том числе и это.

Едва увидев одинокую каменную чашу посреди полуобрушенного зала, он понял, что его странствие закончено. Он нашел то, что искал.

И очень скоро он узнал и ответ.

Он проследил путь собственного заклинания, проложенный его пролившейся кровью, увидел, куда ушли громадные силы, вложенные дуоттами в их странное колдовство. Чаша, по сути, была зеркалом, позволявшим отследить чуть ли не любое сотворенное в пределах Эвиала заклинание – причем сотворенное

неважно когда.

Но, разумеется, чтобы добраться до заклятий первичных, исходных, требовалась куда большая сила, чем у него.

Теперь он видел – видел каплю своей крови, погружающуюся в земную плоть, и видел то существо, которое эта кровь частично пробудила, частично сотворила, вложив в него человеческие ярость и ненасытность. Магия смерти сделала существо гибельным оружием, а то, что кровь была человеческой, породило у него неутолимый вечный голод, утолить который на время могла только она же, чистая и алая человеческая кровь.

Он схватился за голову, закричал, не слыша собственного крика.

Как разумно! Как ловко! И даже бросься он сейчас в огненное жерло – Зверя это не остановит. И никакие маги с чародеями ничего с ним не сделают – дуотты старались не зря. Много лет провели они в изгнании, постигая тайны враждебного им колдовства, – и в конце концов достигли успеха.

Кровь медленно переставала кипеть, отдав все силы, ей предстояло теперь превратиться в прозрачный темно-алый камень. Чародей заметил еще несколько таких же вокруг – иные целы, иные расколоты на части.

Не медля больше ни минуты, он двинулся прочь – сквозь густые заросли внутри кратера вскарабкался по отвесному гладкому склону, и вниз, вниз, вниз, туда, где его ждала лодка.

Теперь он знал, в чем состоит его долг. Не дело, а именно долг, какой редко выпадает в жизни человеку.

Часть вторая

Клинок выковывается

По ярмарке он ходил долго, не пропустив ни одного ряда. Примеривался, присматривался, приценивался, иногда покупал для вида какую-нибудь мелочь. По-настоящему он ни в чем не нуждался, вещи его не интересовали. То, что ему действительно было нужно, не продавалось ни на одном из всех рынков Эвиала, не исключая и запретного для прочих рас Торжища эльфов в самом сердце Зачарованного леса.

Людской мир тек сквозь него, словно быстрая вода в потоке. Мириады мыслей, страстей, желаний, стремлений сталкивались над ним и вокруг него, высокие и низкие, благородные и не очень (вторых, конечно же, оказывалось неизменно больше), зависть, любовь, страх, ненависть, голод, алчность, вожделение и все прочее, чем богаты любые скопления двуногих разумных (или почитающих себя таковыми) существ. Он пропускал все это мимо себя, не замечая или, по крайней мере, стараясь не замечать.

Единожды вошедшему в истинную, великую и вечную Тьму нет больше дела до этого кипучего людского муравейника. Его дела и заботы – за гранью понимания толпы, и с этим ничего не поделаешь. Нет, он не испытывает презрения к своим собратьям, так же, как и он, вышедшим из материнских утроб, вовсе нет, ему просто открывается совершенно иной мир, по сравнению с которым сам Эвиал – лишь бледная декорация в нищем странствующем театре.

Но сейчас ему волей-неволей приходилось заниматься как раз людскими делами, хотя цели он при этом преследовал свои, и только свои. Иначе нельзя. Начинающий помогать всем и каждому волшебник неминуемо истирается, истаивает, растрачивая свою силу по пустякам. А когда он исчерпает себя, если он Светлый, то его ждет преждевременное расставание с посохом и тихая смерть в ордосском доме для престарелых чародеев; ну а если он Темный – то он просто долго не протянет. Хотя Темных и так уже почти не осталось. Может, бродят еще где-то по миру с десяток-полтора его собратьев по Силе.

А не протянет он долго потому, что Инквизиция не дремлет, что после ухода великого Салладорца церковники никак не могут успокоиться, хватают всех хоть сколько-нибудь подозрительных – и порой среди сотен невинных попадется-таки или настоящая ведьма, или начинающий малефик. Но притом, если ты попался в руки Инквизиции, считай, что тебе еще повезло. В конце концов, произнесешь формальные, ничего не значащие слова отречения, примешь причастие, покаешься – и умрешь безболезненно и быстро. А вот если угодишь в лапы пресловутого Белого Совета…

Он заметил притаившегося под ярмарочным помостом вампира, из малых, совсем еще молодых, не успевших даже отрастить настоящие клыки. Такой вампир может справиться разве что с ребенком, которого он наверняка тут и подстерегал. Правда, вампир был один, что странно – обычно такие молодые охотятся в паре со старшими упырями, опытными и бывалыми, кто может не допустить трансформации жертвы в еще одного вампира. Потому что случись такое – Инквизиция перевернет вверх дном весь город, и горе тогда всем, кто привык лакомиться алой влагой из человеческих вен!

Но как бы ни был он слаб и ничтожен, он уже испытал ту неодолимую жажду, которая раз и навсегда отделяет упыря от человека и после которой уже нет возврата. Она врезается в сознание, навеки калеча несчастное существо. Любой нормальный волшебник, конечно же, остановился бы, самое меньшее – отвесил бы упырьку знатную оплеуху, потому что не дело это – устраивать засады на торжищах, и уж последнее дело – охотиться на детей. Настоящий же Белый чародей не просто бы остановился, а скрутил бы супостата по рукам и ногам, после чего кровопийца прямиком угодил бы в казематы Святой Инквизиции, где узнал бы, почем фунт лиха. Ну а напоследок истинно Светлый волшебник не преминул бы прийти на площадь, где совершалась бы казнь означенного вампиреныша, – вязаночку там хвороста в костер подбросить или еще чем заплечных дел мастеру пособить.

Он же прошел мимо.

Вампир заметил его слишком поздно, впрочем, даже заметь он его заранее, это ничего бы не изменило – деваться упырь никуда не мог, он выбрал на редкость неудачное место для засады, без запасного пути отхода, и по всем правилам магической игры мог считаться обреченным. Все, что ему оставалось делать, – это прижать уши от ужаса.

Ведь как бы там ни было, вампиры тоже хотят жить.

Не приходилось сомневаться, кровососу уже мерещились пыточные камеры и неизбежный, последний костер на площади – однако неведомый маг совершенно жуткого вида, отвернувшись, равнодушно прошел мимо. Вампир знал, что волшебник видел его как на ладони и чародею достаточно было пошевелить пальцем, чтобы…

Однако он не пошевелил. Значит, так надо было.

Упырь облегченно вздохнул, стер проступивший на лбу и скулах обильный пот, серый и едкий, как и у всего вампирьего племени. Волшебник мог его убить – но прошел мимо. Упырь понял это так, что на сегодня ему позволено если не все, то, во всяком случае, многое.

Серые щеки и заострившиеся уши вампира люди, конечно, не видели. Им он казался щупловатым, болезненного вида пареньком, невесть почему забившимся под торговый помост вблизи от рядов, где торговали сладостями.

И теперь упыреныш уже намечал себе жертву: хорошенькую черноволосую девчушку лет семи, что как раз тянула мать за руку к сладкарным рядам.

* * *

Он успел добраться до рынка рабов, пока наконец не увидел того, что искал.

Женщина была молодой, но крепкой, не толстой, лишь в меру широкобедрой, со славным и простоватым лицом, но зато в роскошном выходном платье, донельзя дорогом, где по зеленому шелку искрились настоящие самоцветы вперемежку с крупицами самородного золота, сливавшиеся у ворота в настоящий блистающий панцирь. На пальце блеснуло кольцо – никакого там серебра, положенного незамужним девицам, или даже золота, позволительного матронам, – настоящая чистая платина, явно из алхимического тигля, и настоящий, чистый ауралит, сиречь Камень магов, в вычурной и массивной оправе. Несколько драгоценных мгновений он потерял – рискуя, вглядывался в нее куда пристальнее, чем следовало бы, – да, ошибки нет, все правильно, девушка и впрямь заслужила право носить на пальце кольцо чародейки. В ней дремали немалые силы, правда, дремали они где-то в глубине ее существа, так что ничего странного, что местные провинциальные маги из богатого, торгового, да – вот беда! – никогда не отличавшегося изобилием талантливых чародеев города так и не смогли докопаться до истины, пробудить, сделать настоящей волшебницей.

Хотя… было в ней и что-то еще, что насторожило волшебника. Конечно, дар редкий… и силы немалые… но читался, отчетливо читался в самой дальней дали ее астральной тени неумолимый Знак Разрушения, символ гибели и разора,

символ, которому истинно радеющий о деле света чародей никогда не даст дорогу.

К счастью, он сам об этом никогда особенно не радел.

Он колебался только краткое мгновение. То, что нужно, это женщина сделает… а Знак Разрушения скорее всего так и останется туманной тенью.

Быть может, со временем кто-то из Белого Совета и подобрал бы к ней ключик, попадись она случайно на глаза, например, той же Мегане, хозяйке Волшебного Двора, упрятал бы зловещий Знак подальше, запер бы его на сотни засовов и замков – и тогда девушка по праву заняла бы высокое положение среди чародеев Востока, – но это лишь в том случае, если бы он оставил все идти так, как оно идет.

Правда, именно этого он и не собирался допустить ни в коем случае.

Разгадка ее силы оказалась несложной – рядом с девушкой чинно шествовал пожилой дородный мужчина, словно знамя неся на лице выражение собственной значительности. Долгополый кафтан из золотой парчи, с небрежно рассыпанными по нему тут и там рубинами стоил целое состояние – наверное, не меньше, чем нашлось бы товаров на всей этой ярмарке. Он слегка опирался на посох – длинный, покрытый вычурной резьбой и камнями, самосветящимися даже сейчас, под яркими солнечными лучами.

Отец девушки. Окончил ордосскую Академию Высокого Волшебства. Не в первых рядах, но и далеко не в последних. Обычная человеческая душонка, обремененная некоей долей похоти, жадности, страсти к удовольствиям и власти (небольшой, как раз по чину), да еще, как водится, – страхом смерти. Потенциально способен на многое, но растратил почти весь свой талант на мелкие повседневные чародейства вроде вызывания дождя. Было ли это виной или бедой немолодого волшебника, уже не важно. В открытом бою старик не продержится и минуты. Серьезно помешать он не сможет, но вот потратить на него время, если события начнут разворачиваться не по плану, придется – и это сейчас, когда каждая секунда на счету! Начав осуществлять свой план, он, по сути, отрезал себе все иные пути – день, потраченный на поиски, уже не наверстаешь. Остается только встретить судьбу лицом к лицу и дать бой.

Размышлял он недолго. Убить отца девушки нельзя, значит, остается одно – действовать настолько быстро, чтобы он не успел вмешаться.

За спиной раздалось деликатное покашливание. Он обернулся, не торопясь, зная, что опасности нет – ее бы он почувствовал за тысячу шагов, не меньше.

Перед ним стоял давешний вампиреныш, упырь, которому он подарил жизнь. Стоял, смущенно переминаясь с ноги на ногу и не зная, куда девать руки. Глаза его сыто поблескивали – верно, уже насосался крови, – но при этом в них невесть почему читался и неприкрытый страх. Не перед грозным волшебником, перед совсем иным.

– Что с ней? – отрывисто спросил он упыря. – Что с девочкой?

– Н-ничего, о высокочтимый и могущественный, я отпил совсем немного, а то помирал совсем с голодухи, достовеликий, спасибо, что не выдали меня, сирого, – выпалил упырь одним духом.

– Ты понимаешь, что она теперь может стать вампиром? Если на нее наткнется кто-то из вампиров настоящих, – последнее слово он произнес с нажимом, так что упыренок вздрогнул, – почувствует твой укус, возьмется за трансформу. Тебе мало Инквизиции? Хочешь, чтобы здесь собрался бы весь Белый Совет с Волшебным Двором в придачу? Ты забыл, что должен был или прикончить ее, или привести с собой кого-то из набольших, чтобы не допустить перерождения?

– Не забыл, – горестно вздохнул упыренок. – Не забыл, о великий мастер. Потому и вас нагнал. Нельзя ли…

– Поправить это дело? – губы сами скривились в желчную усмешку. – Делать мне больше нечего – за тобой прибираться.

– Я отслужу, – торопливо сказал упырек. – Вы ж сами знаете, мастер, что будет, если мои об этом проведают.

– Толку мне с твоей службы, – он повернулся к вампиру спиной.

– О великий! – истошно завопил вампиреныш, падая на колени. – Не погубите! Спасите! Век рабом вашим буду!

– Век рабом, говоришь? – кажется, из этого и впрямь можно будет извлечь пользу. – Ну ладно, тогда пошли. Клятву я с тебя брать не буду, успеется. От меня все равно не убежишь.

Понимая всю справедливость этих слов, упыренок обреченно кивнул.

Разумеется, люди вокруг не слышали ни единого слова из этого разговора.

* * *

Дальше они шли уже вдвоем. Молодой вампиреныш вел себя тише воды, ниже травы, держался на шаг позади новообретенного хозяина и не осмеливался нарушать его мудрые раздумья своей пустой болтовней.

Заполучив в помощники этого упырька, теперь можно было потратить немного времени и на его жертву – тем более что выигрыш, если все правильно рассчитать и, когда нужно, ввести вампира в игру, все равно получался большой.

Потерять девушку в толпе он, раз увидев, уже не боялся. Конечно, ее отец-маг вечером мог обнаружить небрежно закрепленное заклинание, но до вечера весь план так и так будет выполнен, и дела свои в этом несчастном городке он закончит.

Едва ли еще в этой жизни ему придется побывать здесь.

Девочку они нашли быстро – в палатке ярмарочного лекаря. Вокруг волновалась небольшая толпа, и, что самое плохое, в ней уже виднелись коричневые монашьи рясы.

Вампиренок за спиной затрясся мелкой дрожью. Кажется, он только сейчас начал по-настоящему понимать, что натворил.

Разумеется, прикасаться к девочке или даже входить в палатку не было никакой нужды. Вампиренок слишком спешил, голод мучил его слишком сильно, он не прокусил шею жертвы, а почти что разорвал ее – и оставил в ране слишком много вампирьего яда. Яда, который не выжечь даже каленым железом.

Он вздохнул. Оставалось только надеяться, что коричневые рясы не успели привести сюда никого с дипломом ордосского факультета Святой магии.

Встряхнул пальцы, хрустнул суставами, полуприкрыл глаза и начал работать.

Вампиреныш за спиной, похоже, даже дышать перестал.

* * *

– С твоего племени мне причитается, – проворчал он, когда они шли прочь от палатки. Лекарю удалось остановить кровь, девочка пришла в себя, и священник уже успокаивал мать, говоря, что рана чистая, опасности заражения нет и малышке ничто не угрожает.

– Попотеть пришлось изрядно, у тебя что, все зубы в разные стороны торчат? Как ты ее исхитрился так изуродовать?.. Хорошо еще, что она у тебя на руках не умерла. Тогда бы тебя даже учитель церковно-приходской школы выследил. Чего выпятил зенки, корова кровососущая? Не знаешь, что, когда жертва умирает, пока вампир еще не насытился, ее тень начинает неотступно преследовать убийцу и никакая ваша магия не поможет? И что эту тень увидит любой, владеющий хотя бы азами магии Спасителя?

Из горла упырька вырвался сдавленный хрип.

– Смотри-ка, похоже, это имя и впрямь на вашего брата неважно действует, – удивился волшебник. – Век живи, век учись, как говорится…

Они покинули ярмарку и теперь окольными путями пробирались к центру города. Мало-помалу вечерело, на юге вообще темнеет рано. Кое-где появились уже первые фонарщики.

– Будешь делать только то, что я тебе сказал, – глядя прямо в расширенные от страха вампирьи глаза, сказал он. – Ослушаешься – прямиком к святым отцам отправлю. Ваш брат меня знает.

Упырь торопливо закивал:

– Не извольте беспокоиться, мастер, все сделаю, как говорено, ни на йоту не отступлю, пусть даже луна на землю падать начнет.

– Вот и хорошо, – кивнул волшебник. – Сворачиваем, нам сюда.

В сгущающемся мраке они быстро шли неприметной грязной улочкой, кривой и узкой, где, похоже, кроме мусорщика со своей тележкой, вообще никто не бывал. Улица вывела их на другую, широкую и мощеную, с дорогими лавками и аккуратными гостиницами по обе стороны. Здесь ходила ночная стража, здесь можно было встретить и нанятого городом чародея, чьей обязанностью было следить, чтобы Ночной Народ не слишком безобразничал на улицах.

Сейчас этой улицей шла его добыча.

Та самая девушка в зеленом платье, в сопровождении отца и нескольких слуг с факелами.

– Ты понял, что надо сделать? – в последний раз спросил он вампира.

– Конечно, мастер, – не без гордости ответил упырь.

– Тогда иди.

– Иду, мастер.

Упырь растворился в сумерках – только один шаг, и его уже нет. Серое пятно, просверлившее темноту, заметное только для глаза того, кому не впервой ходить по темным дорогам, – дорогам, где нет и не может быть фонарей.

Ибо мертвым они не нужны.

Он запахнулся в плащ. Время еще оставалось, звезды и планеты как раз сходились в одно-единственное сочетание, которое только и годилось для его замысла. Хорошо, что ему встретился этот вампир. Упростит дело, хотя… Впрочем, после того что он совершит в эту и ряд последующих ночей, станут неважны никакие «хотя».

Смутные пятна факелов приближались. Ну что ж, актеры на местах, декорации расставлены, разве что добавить пару-тройку завершающих штрихов.

Мрак вокруг него стал еще гуще, свет факелов истаивал бессильно и бесцельно, улица казалась теперь узким ущельем, пробитым призраками в неприступных скалах темноты. Дома исчезли, вместо них высились угрюмые громады скалящихся исполинских лиц – словно закопанные по плечи в землю каменные великаны со всей нерастраченной злобой щерились окрест.

Да, сцену ему удалось подготовить на славу.

Трепещущие огоньки факелов приближались. Упырю пора бы и появиться.

В следующий миг из ниши, там, где мрак был совершенно непроглядным, возникла жуткого вида фигура. Какой там младший вампир! – чуть ли не сам великий Основатель этого странного рода предстал глазам волшебника! Алый плащ развевался, подобно паре громадных крыл, вокруг лица и рук расползалось холодное серое свечение, не рассеивающее мрак, а, напротив, словно б сгущавшее его еще больше; из-под верхней губы тянулись вниз настоящие, тонкие, словно иглы, клыки; глаза полыхали зеленым.

Чародей увидел оцепеневшую от ужаса жалкую кучку людей, а затем слуги с воплями ринулись кто куда, на бегу швыряя факелы. Самые разумные, они первыми поняли, что происходит.

Девушка же, похоже, просто окаменела от страха, у нее словно бы отнялись ноги – отец ее засуетился было рядом, но миг спустя, поняв, что бежать бессмысленно, заслонил ее собой, высоко поднимая свой роскошный, но, увы, сейчас почти что бесполезный посох. Бесполезный, разумеется, потому, что противостоял провинциальному волшебнику отнюдь не вампир, пусть даже самый могущественный из всех ныне живущих.

Что-то слегка сверкнуло, слегка полыхнуло – мрак вокруг набегающего вампира сгустился плотным щитом, алый плащ обернулся вокруг тела, словно латы, – жалкое подобие молнии бессильно ушло в землю, не причинив никакого вреда.

Только ему, наблюдавшему всю сцену со стороны, пришлось посильнее сжать зубы, чтобы не застонать от боли, – противник оказался отнюдь не слабаком, и, чтобы заставить его выглядеть таковым, пришлось пустить в ход едва ли не все, на что он был способен.

Вампир захохотал – замогильным жутким смехом, именно так, как и положено хохотать упырю из сказок, неизменно побеждаемому добрым чародеем, в последний миг приходящим на выручку беспомощной жертве.

Вот только они, увы, находились отнюдь не в сказочном мире.

Вампир взмахнул сухощавой рукой; мелькнули длинные когти, и посох полетел в одну сторону, а пожилой волшебник – в другую. Вновь захохотав, упырь склонился над так и севшей на землю девушкой.

Пора было вступать в игру.

Сбитый наземь чародей между тем с неожиданной для него резвостью сумел вскочить на ноги, бросился на вампира сбоку, мелькнул короткий взблеск серебряного клинка, распоровшего алый плащ и скользнувшего по ребрам кровососа.

Создатель всего этого плана едва устоял, принимая на себя внезапную вспышку нестерпимой режущей боли. Да, если такое ощущают вампиры, когда их касается серебро, изначально зачарованный против них металл, – им не позавидуешь.

Но сейчас другой заслонил упыря своей силой, и оставленная магическим оружием рана оказалась самой обычной, даже серой крови вытекло совсем немного – плащ мгновенно прилип к телу, останавливая ее истечение.

Вампир отшвырнул от себя старого чародея, однако тот успел ударить вторично. Упырь вновь не сумел защититься – оно и понятно, заклятие изменило его облик,

но не смогло даровать истинного умения высших, настоящих вампиров.

Сознание прояснялось, боль отступала. Все-таки он не был вампиром, хотя сейчас ему приходилось играть его роль. План явно начинал трещать по швам, следовало торопиться.

Он возник перед насмерть испуганной девушкой, точно демон из преисподней. Вокруг него вилось и плясало пламя, рука заносила над головой кривую саблю, выкованную из сгустков черного огня, глаза метали молнии. Это была сама смерть, это было нечто хуже смерти, страшнее даже упыря-кровососа, страшнее всего, что она только могла себе представить, – а ведь ничто не страшит сильнее непредставимого. Страх силен и могущественен, пока это скрип половиц за нашей спиной, отблеск лунного луча в запыленном зеркале, движение тени, схваченное уголком нашего глаза; если же ты нашел в себе силы повернуться к ужасу лицом – он потеряет половину своей мощи.

Девушка не смогла. Она даже не закрыла лицо руками. Глаза ее, широко раскрытые, не мигая, смотрели на волшебника. И он чувствовал, как то, что не смогли заметить и разбудить все здешние чародеи, то, что могло бы стать ее гордостью и призванием, – медленно ожило и стало пробуждаться к жизни.

Именно на это он и рассчитывал.

Теперь у него оставалось совсем мало времени. Когда эта несчастная осознает свою силу, она разнесет вдребезги полгорода – и хорошо еще, если только половину.

Клинок в его руке взлетел и рухнул, разрубая пышные юбки. Он опрокинул девушку на спину, резко и грубо растолкнул в стороны судорожно сжавшиеся в последний миг колени. И – вошел в нее.

Рядом катались сцепившиеся насмерть упырь и отец девушки, старый волшебник явно начинал брать верх, но это уже было неважно.

Он вжал себя в нее, вжал до предела, впечатывая не только свою плоть, но и свою память, свою душу, свое могущество. Он заскрежетал зубами от боли, когда ее потайное естество, окончательно сбрасывая оковы, рванулось ему наперерез – это было словно стремительное чирканье бритвы, оставляющее за

собой полосу кровоточащего разреза.

И все-таки он успел.

– У тебя будет сын, – прохрипел он прямо в ее лицо, уже искаженное от подступающего безумия. – У тебя будет сын, мой сын. И тогда…

Впрочем, что будет тогда, эта несчастная, конечно же, не узнает.

Она уже билась в корчах, теряя сознание не от причиненной им боли или страха – от того, что в ней сейчас пробуждалась ее собственная сила, не замеченная никем в этом городишке или же никому не поддавшаяся.

Дело было сделано. Теперь оставалось только уйти.

Удар – самый вульгарный удар тяжелым кастетом, – и отец несчастной рухнул подле нее бездыханным. С ним ничего не случится, он оправится – но нельзя же было позволить, чтобы он убил этого вампиреныша, будь он неладен!

– Уходим! – бросил колдун упырю. – Уходим быстро!

– А-а вы возьмете меня с собой, мастер? – жалобно пролепетал упырек. – А то я, то есть я хотел…

– Заткнись и держи меня за руку. Конечно, я возьму тебя с собой. Куда ж я теперь тебя дену, такого убогого…

* * *

Минуло девять месяцев.

Волшебник и его слуга-вампир стояли под странным небом темно-зеленого цвета, по которому стремительно, точно детские мячики, катились сразу два солнца – как будто играя в диковинные догонялки. За спиной вздыбливались черные как смоль горы – над тупорылыми вершинами курился дым, плотный и едкий, выпадавшая на землю черная пыль забивала горло, так что едва можно

было дышать.

И хозяин, и слуга выглядели не лучшим образом. Одежда истрепалась и по большей части обратилась в самые что ни на есть отвратные лохмотья, перепачканные невесть чем, от которых с презрением бы отвернулся даже самый последний побирушка Княж-города. Оба держали в руках оружие: вампир длинную тонкую саблю явно эльфийской работы; рукоять, чтобы не жгла его мертвую плоть, он обернул полосами сыромятной кожи. Волшебник закинул на плечо нечто вроде короткой алебарды, усеянной жуткого вида остриями, лезвиями и крюками. Лезвия были иззубрены, крюки и наконечники покрыты странного вида бурыми пятнами с тонкими темно-зелеными разводами.

– Мы должны были вернуться сегодня, мастер, – позволил себе осторожно заметить вампир.

– Сам знаю, – буркнул волшебник.

– Им удастся ускользнуть.

– И зачем, хотел бы я знать, ты мне это говоришь? – Чародей по-прежнему смотрел вдаль, на усеянную дымящимися гейзерами равнину, на которой медленно двигалось нечто живое – громадное, уродливое и очень, очень, очень опасное.

– Ни за чем, мастер, ни за чем, просто так, прошу простить великодушно, – тут же зачастил вампир. – Просто вы говорили…

– Ну да, говорил, – нехотя бросил волшебник. – Да, они ускользнут. Вместе с ребенком. Вместе с моим сыном. И мне потом придется их искать долго, очень долго. Хотелось бы успеть, прежде чем…

Но тут существо на равнине наконец решило, что пора положить конец тягостной неопределенности, и под двумя солнцами воцарился форменный ад.

Не так-то легко победить Зверя, созданного при помощи твоей собственной крови. Даже имея за спиной тех могущественных союзников, которых удалось заполучить некроманту.

Союзников заполучить удалось, но цена оказалась поистине невероятной.

* * *

Прошло сколько-то лет Эвиала.

Пятиречье – места тихие и красивые. Глухомань, конечно, до Княж-города полные три недели конного ходу, но зато – благолепие. В трех днях пути на закат высятся неприступные зеленые стены Зачарованного леса, на юге о нем говорят со страхом, но сюда эльфы никогда не заглядывали – может быть, потому, что жившему тут народу хватало своих чащоб, что тянулись на восток, покуда было сил идти, и никто еще так и не смог дойти до края.

С заката на восход через эти края тянулась большая дорога, когда-то именно по ней шли в обе стороны торговые караваны; ныне же, после того как прадед нынешнего князя при помощи магов Волшебного Двора очистил от разбойной нечисти южные, куда более короткие пути, купцов стало гораздо меньше. Впрочем, совсем они не исчезли – многим по-прежнему удобнее было пользоваться северной дорогой, потому что восток велик, и иным, несмотря ни на что, ближе оказалось ходить все-таки ведущим через Пятиречье трактом.

В этих местах издревле жил народ крепкий, незлобивый и не слишком-то стремящийся к странствиям. Прибыль с купцов имели далеко не все: те, кто ее лишился много лет назад, давно покинули этот край, а оставшимся вполне хватало тех караванов, что по-прежнему хаживали этой дорогой. Простые же пахари, лесорубы, углежоги, рыбаки и иные добытчики, живущие не торговлей, а трудом собственных рук, считали, что все повернулось к лучшему – княжьи мытари сюда заглядывали редко, куда выгоднее было взыскивать недоимки на юге, а сюда, к горам, людей гонять, так больше на их прокорм уйдет, чем они денег назад привезут.

От холодных зимних ветров Пятиречье закрывали высокие Зубьи горы – кто и почему прозвал их так, теперь было уж и не дознаться. Южные их склоны, пологие и лесистые, с которых текло множество быстрых речек и речушек, в изобилии снабжали Пятиречье дичью и рыбой. Встречались рудные жилы и выходы, кое-где прободенные старыми гномьими выработками – Подгорное Племя давно ушло из этих мест, проиграв некогда войну заносчивым царственным эльфам из Зачарованного леса. Отдельные семьи, впрочем, так и

остались, не в силах, наверное, расстаться с насиженными местами. Нового царства они, само собой, создать не могли, селились в отдалении, мирно уживаясь с иными обитателями Пятиречья и вставая с ними плечом к плечу в случае опасности.

А тревоги и беды здесь, само собой, встречались. За горами, в глухой тайге, жили племена диких лесных гоблинов, порой тревожащих своими набегами людские поселения к югу от главного хребта; случалось, заявлялись разбойнички, с запада ли, с востока – в поисках легкой добычи. Самая же главная опасность таилась на юго-востоке: там, в необжитых краях между северным и южным трактами, обитали свирепые поури, расселившиеся длинной прерывистой дугой в сотни лиг на полдень от Зачарованного леса. С воинственными и ловкими в бою карликами не смогли справиться и отборные княжеские дружины; впрочем, со временем даже с поури удалось найти общий язык – и теперь до больших войн дело доходило редко, обходились переговорами, откупами. Случалось, Княж-город даже нанимал отряды поури, когда с дальнего востока накатывались армии Синь-И.

Вообще же карлики слыли врагом настоящим, беспощадным и умелым. Они не ловились на воинские хитрости, к примеру, их невозможно было выманить из крепкого места ложным отступлением, они с равным успехом сражались в строю и поодиночке, в лесу и в поле, на стенах крепостей, их защищая, или же под стенами крепостей, штурмуя оные. Поражений они не признавали, в бегство не обращались, и победить их можно было, только перебив всех до единого. Бывалые дружинники говорили, что, появись у поури толковый вожак, – они играючи вышибли бы из этих земель всех – и людей, и гномов, и гоблинов, а может быть, не поздоровилось бы даже и самим обитателям Зачарованного леса.

И потому Княж-город, несмотря на отчаянную нужду в войсках на южных и юго-восточных рубежах, все же не счел возможным оставить Пятиречье на произвол судьбы. Вдоль всего северного тракта в мало-мальски крупных селениях стояли полновесные конные сотни. Лихие наездники и еще более лихие стрелки, на скаку попадавшие в брошенную вверх шапку. Только они и могли справиться с неистовым напором поури. Одолеть карликов в рукопашной можно было, но при этом полегли бы и почти все защитники. Куда надежнее было выбивать врагов издали стрелами – при том, что карлики все же не могли угнаться за конными стрелками.

Стояла такая сотня и в местечке под названием Мост – тихом селении землепашцев, охотников и прочего вольного люда, никогда не знавшего пахотной кабалы или иной неволи. Боярские земли лежали на юге и западе; а сюда, в глушь, княжеские землемеры так до сих пор и не добрались, и люди оставались лично свободными.

Село получило имя как раз из-за моста – здесь торговый тракт пересекал текущую с Зубьих гор широкую и бурливую Говорунью, как звали местные свою речку. К северу по обоим ее берегам тянулась широкая долина, вся распаханная, покрытая полями и огородами. Милях в десяти, уже в предгорьях, стояла вторая деревушка, поменьше – с выразительным прозванием Горный Тупик или же просто Тупик.

К востоку и западу от Тупика высились холмистые гряды, все поросшие густым лесом, угодья зверобоев и углежогов. К северу вздыбливались пики самих Зубьих гор, над которыми властвовал один, самый высокий, с тремя острыми вершинами, называвшийся, само собой, Трехрогим. Справа и слева от него через седловины на север вели несколько троп, ведомых только лучшим из местных трапперов. Имелось тут и несколько пещер, что вели на полночь, открываясь на той стороне хребта. Порой через них проникали немирные гоблины, и в общине уже давно велись разговоры о том, что крысиные лазы хорошо бы заделать, но охотники на пушного зверя, высоко ценимого перекупщиками с юга, каждый раз воспротивливались, не желая ломать ноги на опасных и узких горных тропах.

К западу от Тупика, в старой и обширной пещере жило семейство гномов, все еще ковырявшихся в каких-то глубинных выработках. Примерно в полутора лигах от них, в густом лесу, стоял покинутый скит – убежище сгинувших приверженцев сгинувшего бога. Никто из местных не знал, кому служили тамошние обитатели, кого они прославляли – да и не слишком стремился знать. Место считалось недобрым, злодейским, и отец Анемподист, настоятель большого храма Спасителя в Мосте, строго-настрого запретил своей пастве даже приближаться к старому скиту. Неплохо было б его сжечь совсем, но на это вообще никто не мог осмелиться, даже сотник княжьей дружины – всем известно, как умеют мстить мертвые боги.

По лесам вокруг Тупика разбросано было несколько хуторов. Стояла на полпути к пещере, что вела в загорье, и третья деревушка этих мест, совсем уже крошечная, так и прозывавшаяся – Глущобой. Имелся тут и свой отшельник, святой человек крепкой веры в Спасителя, что срубил себе келью в самой глуши

леса к восходу от Тупика, где, не сомневались поселяне, денно и нощно молился за их грешные души.

Тихо текла жизнь в Пятиречье. Народ сеял, косил сено, собирал урожай, рубил лес, ковал железо, торговал помаленьку, играл свадьбы, плакал на похоронах, плясал на помолвках и крестинах, порой – брался за вилы и топоры, если к их домам подступала беда. Приходили и уходили купеческие караваны, лето сменялось зимой, а весна – осенью, и казалось, что так будет всегда.

Они приехали в Мост ранним утром, когда майский день только-только вступал в свои права, и это было странно – ближайший постоялый двор от Моста отделял добрый день пути, странники должны были провести в дороге всю ночь – зачем, почему, отчего? Купцы приезжали в Мост, как правило, только под вечер. Никому не улыбалось ехать сквозь ночь мрачными здешними лесами – неровен час, вылезет на тебя какая-нибудь безумная нечисть, что тогда будешь делать?

Всего приезжих было четверо. Дородный осанистый мужчина, уже весьма немолодой, по здешним меркам – просто старик. Он, похоже, был у них за главного – во всяком случае, второй мужчина, молодой, широкоплечий воин в плотной кольчуге даже не двойного, а, похоже, тройного плетения с нашитыми на спину и грудь стальными бляхами, слушался его аж с полувзгляда, не то что полуслова. Могучего сложения воин был весь увешан оружием – слева меч, справа секира, за спиной арбалет, на каждом бедре по длинному кинжалу, у седла приторочен внушительного вида щит, с другой стороны – ухватистое копье с длинным и широким наконечником, каким в случае надобности можно не только колоть, но и рубить.

Третьей в отряде оказалась молодая еще женщина, правда, отчего-то очень тихая и печальная, в темной одежде вдовы и со «вдовьим» перстнем на левой руке. А рядом с ней на небольшом коньке ехала четвертая из новоприбывших – девочка лет пяти, с задорным курносым носом и непокорными темными кудрями над высоким лбом. Казалось, она чувствовала себя увереннее всех остальных – другие, даже воин в броне, какая сделала бы честь и княжескому тысячнику, – держались так, словно им вот-вот предстояла смертельная битва. В общем, несмотря на все их усилия не привлекать внимания, посмотреть на странных пришельцев сбежалось чуть ли не пол-Моста.

С собой новоприбывшие вели с полдюжины вьючных лошадей. В руках пожилого мужчины блеснула золотая монета, и корчмарь Груздик тотчас преисполнился к

гостям неимоверного почтения – даже от проезжих купцов он видел самое лучшее что серебро Княж-города, не слишком чистое и не слишком ценимое, к примеру, на Западе; а тут полновесная монета, и даже не имперский цехин Эбина, а двойной салладорский диргем, ценимый самое меньшее впятеро выше любого иного золотого на всем пространстве от Кинта Дальнего до Царства Синь-И.

Воин в броне в разговоры ни с кем не вступал. Мягким стелющимся шагом пустился в обход всего постоялого двора, не обращая никакого внимания на слуг и домочадцев Груздика. Конечно, любому другому подобное с рук бы не сошло, но тут – диргем так сладостно улегся в ладони трактирщика, что тот решил сделать для щедрых гостей исключение.

Гости сняли две лучшие комнаты, потребовали лучшей еды (еще одна ошибка, сказал себе Груздик, если только они от кого-то скрываются) и затворились у себя. Любопытный народ походил-походил кругами, но, поскольку больше ничего интересного не происходило, вернулся к обычными своим делам.

День странники провели взаперти, даже не спустившись к ужину в общую залу (где их появления ждало примерно вдвое больше народу, чем обычно собиралось у Груздика вечерами), а на следующий день, оставив вещи на постоялом дворе, отправились по ведущей в Тупик дороге.

В Тупике они испросили благословения отца Калистрата, сделали щедрый храмовый взнос и попутно поинтересовались, нет ли здесь на продажу свободных домов.

Свободных домов, к их огорчению, не нашлось, но священник сказал, что таким уважаемым господам, конечно, ничего не стоит подрядить местных древоделов, и те – «глазом моргнуть не успеете!» – за умеренную плату срубят такие хоромы, что и сам князь бы не погнушался.

В ответ старик и воин только покачали головами. Нет, хоромы им не нужны. Впрочем, пожалуй, оно и лучше – зачем стеснять добрых поселян? Быть может, они могут устроиться где-то в окрестностях, никому не мешая и не привлекая посторонних взоров?

Отец Калистрат только и смог развести руками. Конечно, никто не мог помешать им нанять тех же плотников и поставить дом – а то и целый хутор – где угодно в окружающих Тупик лесах, но только зачем?..

В таких местах не слишком-то жалуют пришельцев, которые вдобавок не похожи на остальных обитателей, доверительно сказал святому отцу пожилой мужчина, назвавшийся Драгомиром. Но, может, тут есть какие-нибудь старые, заброшенные строения? Они смогли бы привести их в порядок.

Отец Калистрат никак не мог взять в толк, почему явно не бедные странники так упорно отказываются от самого простого пути заполучить крышу над головой. Местные умельцы за месяц поднимут настоящий терем, а пока-то можно и у Груздика, к примеру, пожить.

И священник сам не понял, отчего под пристальным взором Драгомира у него вырвались слова о старом ските, что стоял, позаброшен, всего-то в четырех или пяти лигах в лесу к западу от Тупика.

Глаза Драгомира вспыхнули, и он тотчас заявил, что это их более чем устраивает.

Отец Калистрат, отчего-то оробев, напомнил своим почтенным гостям, что это место пользуется у крестьян недоброй славой и что он поостерегся бы.

Но тут Драгомир решительно перебил его, заявив, что истинно верующему в Спасителя не к лицу пугаться какой-то там Нечисти и что они, с благословения как отца Калистрата, так и стоящего выше его по церковной иерархии мостовского священника отца Анемподиста, берутся очистить старый скит от любой Нечисти, за свои деньги все там исправить, если только община позволит им обосноваться там.

Отец Калистрат не знал, что и сказать. Позвали за старостой Тупика, погнали мальчишку в Мост, за отцом Анемподистом, старшиной села Дивом и Звияром, командиром княжеской сотни. Пока все они собрались в Тупике, уже подступил вечер, все-таки десять лиг – путь неблизкий.

Судили и рядили долго. Отец Анемподист держался дольше всех, упорно заявляя, что добрым чадам Спасителя негоже приближаться к Им же проклятым

местам и негоже подвергать сомнению Его мудрые решения, но и ему пришлось сдаться – после того, как Драгомир извлек на белый свет свое Кольцо Чародея, свой посох и вдобавок ко всему – диплом, выданный всемирно известной ордосской Академией Высокого Волшебства, о которой слышали все, даже здесь, в дальней восточной глуши.

По-прежнему не понимая, что мешает уважаемому волшебнику устроиться со всеми мыслимыми удобствами в том же Мосту, или в Тупике, или, на худой конец, хотя бы в Глущобе, местные набольшие дали свое разрешение.

Драгомир не просил ничего держать в секрете, и, разумеется, наутро вся округа только и говорила о приехавшем настоящем чародее (волшебников, подобных Драгомиру, здесь не видывали давным-давно; последний раз чародей появлялся еще при покойном отце нынешнего князя, лет эдак тридцать назад, в разгар свирепой засухи – вызвал тогда долгие и обильные дожди, чем и спас округу от вымирания). И, когда Драгомир вместе с молчаливым молодым воином, чьего имени никто по-прежнему не знал, женщиной и девочкой направился к лесному скиту, за ними двинулось едва ли не все население Тупика и добрая половина обитателей Моста.

Драгомир никому не препятствовал. Верно понимал, что останавливать кого-либо просто бессмысленно.

Правда, пока дошли до скита, немало народу как-то поотстало – видно, остыв, решили, что лучше будет не соваться куда не просят, а то мало ли…

Как выяснилось в дальнейшем, здравомыслящие были не так уж не правы.

Скит стоял в низинке между двух густо заросших гряд, прямо на берегу чистого ручья. Место казалось тихим, мирным и давным-давно заброшенным – высоко поднялась никем не примятая трава возле покосившихся ворот, нигде никаких следов, все строение окружено высоким частоколом – почти как крепость! – но и не похоже, чтобы кто-то пытался пробраться внутрь.

Женщину с девочкой Драгомир и воин оставили позади, сами двинулись к наглухо запертым воротам, по пояс утопая в высокой луговой траве. Не дойдя пяти шагов, они почему-то остановились, переглянулись – и волшебник отчего-то отрицательно покачал головой, после чего воин вдруг весь как-то подобрался и –

как был, в тяжелой броне, в глухом шлеме, с секирой наперевес – одним прыжком перемахнул через ограду в полтора человеческих роста.

Толпившиеся в почтительном отдалении селяне только ахнули. Разумеется, на такое способна была только настоящая магия.

Несколько мгновений внутри скита царила мертвая тишина – внезапно разорванная резким свистом стали и истошными воплями, истинно нечеловеческими воплями. Драгомир резко взмахнул руками, и ворота в тот же миг разлетелись на куски, обглоданные обломки дерева остались болтаться на здоровенных петлях.

А в проем хлынула целая толпа существ, о которых обитатели Тупика раньше слышали только в страшных сказках.

Скакали неуклюжие живые мешки-проглоты, валом валили многорукие и многоногие ироки, которые в сказках служили ведьмам, похищали и приносили своим хозяйкам неосторожных детей, полулюди-полузмеи абраки, обитатели глубоких болот, размахивая дубинами, мчались здоровенные огры-людоеды (эти вообще слыли редкими гостями южных областей), и еще было там полным-полно всяких тварей, которые невесть как умещались в небольшом, по правде говоря, скиту. Непонятно было также, откуда они там взялись, что делали и почему никто из жителей Тупика, не говоря уж о лесных хуторах, ни разу не пострадал от этого жуткого соседства?..

А за ними громадным прыжком вылетел спутник Драгомира. Одним движением воин оказался в самой гуще спасающихся бегством чудищ; в одной руке он держал секиру, в другой – меч. Миг – и железо закружилось в виртуозной кровавой пляске, оставляя на истоптанной траве искромсанные бездыханные тела.

Никто, даже княжеский сотник Звияр, никогда не видел ничего подобного. Тяжеленное оружие порхало, словно легкие тросточки, воин вертелся и прыгал, точно цирковой акробат, – интересно, как у него это выходило с добрыми двумя пудами железа на плечах?!

Чудища сперва пытались спастись бегством, но на их пути вырос Драгомир, широко размахнулся посохом – и твари тотчас повернули обратно: верно,

привидевшееся им казалось много хуже смерти.

И они умирали, одно за другим. Здоровенные огры, ловкие ироки, могучие абраки – все, все они гибли, не в силах зацепить неуязвимого воина даже краем своих дубин или костяных клинков.

Последний огр рухнул с разрубленной головой, и на поляне воцарилась тишина. Не стонали раненые – их просто не было; воин наносил только один удар, неизменно оказывавшийся и последним.

Остолбеневшие крестьяне только и могли, что глазеть на происходящее, широко разинув рты. Все произошло так быстро, что не все успели даже как следует испугаться.

Воин быстро, отрывисто встряхнул секирой и мечом – брызги темной крови так и полетели на истоптанную траву, железо засияло, словно только что начищенное. Боец коротко поклонился Драгомиру, и волшебник, молча кивнув в ответ, прошел в ворота. Воин последовал за ним.

И вновь некоторое время царила тишина, а потом в воздухе прямо над скитом сгустилось темное облачко, в самой середине которого билось, извиваясь, некое призрачное существо. Многие закричали – громадная пасть и клыки длиной в локоть взрослого человека были всем отлично видны.

Снизу, со двора, в темное облако били короткие белые молнии. Стоявшие напротив ворот видели, что эти молнии срывались с острия поднятого магом Драгомиром посоха. Пять, десять, пятнадцать разрядов – и темная призрачная скорлупа лопнула, бесплотное чудище забилось в агонии, разрываемое на части рукотворными молниями.

Когда все наконец кончилось, воин с волшебником вышли к людям, низко поклонились толпе, давая понять, что можно расходиться. Зеваки мало-помалу потянулись обратно через лес; возле скита остались только оба священника, староста Тупика да сотник Звияр.

Прежде всего, конечно же, они стали допытываться, как такое соседство столь долго могло оставаться никем не замеченным, на что чародей, неспешно откашлявшись, дал вполне убедительный ответ – сила старых богов не уходит

бесследно, посвященные им места и впрямь опасны для верных чад Спасителя, они привлекают различную нечисть как облеченную в плоть, так и бестелесную. А неприятностей обитатели Моста и Тупика не имели потому, что чудища, сколь они ни тупы, все же понимают, что охотиться следует вдали от логова, иначе ему, логову, очень быстро придет конец. Владея какой ни есть, но магией, твари также отводили всем глаза, представляя скит покинутым и необитаемым.

После этого право Драгомира и его спутников занять очищенный от тварей скит никто не ставил под сомнение.

Звияр попытался было завязать разговор с воином, так и не снявшим глухого шлема, однако тот лишь покачал головой и отошел от разобиженного сотника в сторону.

Скит быстро привели в порядок. Упорно не желая обращаться к мастерам за постройкой нового дома, Драгомир и его спутники не погнушались их услугами в мелкой починке. Навесили новые ворота, подновили частокол, заделали прохудившуюся в нескольких местах крышу – скит на удивление хорошо пережил долгие десятилетия небрежения и заброшенности. Нигде не осталось никаких следов огров и прочей нечисти – верно, помогло Драгомирово колдовство.

Обвалившийся колодец расчистили, остатки травы во дворе – скосили. Женщина, оказавшаяся дочерью Драгомира, накупила у местных хозяек кучу половиков и иного ткачества, так что скит сразу же приобрел вполне жилой вид.

Жизнь пошла дальше. Мало-помалу к Драгомиру и его семейству привыкли. К волшебнику на первых порах обращались с просьбами излечить человека или скотину – он только качал головой, говоря, что не может и не хочет отбивать хлеб у местных знахарей и коновалов и что к нему следует приходить только в самых отчаянных случаях, когда никто не в силах помочь.

Правда, к счастью для обитателей Тупика, таковых отчего-то не случалось. Кому суждено умереть, умирали тихо и без мучений, и как-то всякий раз выходило, что волшебника позвать не то забыли, не то опоздали.

А затем жители Пятиречья (весть о приезде Драгомира сперва разнеслась далеко по округе) как-то мало-помалу стали забывать, что среди них живет

чародей. И про скит в лесу они тоже вспоминали все реже и реже. Причем ни Драгомир, ни его спутники ни от кого не прятались – дочь его часто ходила в деревню купить необходимое, вполне мирно и дружески болтая с местными кумушками; Драгомир, случалось, попивал пиво в трактире Груздика – и ни у кого отчего-то не возникало вопроса – а, собственно, что здесь делает этот самый Драгомир и чем он живет? Странная четверка словно бы выпала из обычного хода событий в Тупике, время текло сквозь них, и люди, пять минут назад шутившие с тем же Драгомиром, тотчас же забывали о состоявшемся разговоре и о том, кто этот Драгомир вообще такой.

Девочку же и вовсе никто никогда не видел. Вскоре о том, что она вообще появлялась здесь, все дружно и начисто забыли.

Текло время.

Отзвенело лето, наступила осень, прошумела вьюгами зима – и вновь стаял снег. Жизнь в Пятиречье шла своим чередом, год выдался тихий, ни войн, ни набегов, хороший урожай, низкие цены у проезжих купцов – что еще надо человеку для счастья?..

Правда, пару-тройку раз появлялись какие-то странные люди, крутились в Груздиковой таверне, заглядывали в Тупик, расспрашивали – не появлялись ли, мол, тут мужчина со взрослой дочерью и внучком, не проезжали ли, не останавливались? Селяне дружно морщили лбы и разводили руками – ничуть не кривя при этом душой.

Была уже осень – вторая осень Драгомира и его спутников в Пятиречье. Они жили, по-прежнему скользя между временем, сейчас они здесь – и вроде бы как давние всеобщие знакомцы, стоит им скрыться – об их существовании все начисто забывают.

* * *

Далеко-далеко от Пятиречья, в Княж-городе, в известной таверне под названием «Золотой Сокол», далеко за полночь сидел последний посетитель. Его давно попросили бы отсюда, если б не полновесное золото, которым он заплатил за ужин, – по правде говоря, этих денег хватило бы накормить целый полк.

Наполовину седой мужчина, худощавый, средних лет, с аккуратной короткой бородкой, без особых примет, как сказали бы о нем княжеские дознаватели, – потягивал пиво, смотря в темное окно, в котором, отражаясь, плясали язычки горевшего на стене факела.

Рядом с ним, небрежно прислоненный к стене, стоял длинный сучковатый посох черного дерева, увенчанный засушенной трехпалой не то рукой, не то лапой какого-то чудища.

Он сам сделал себе этот посох – в тех непредставимых даже большинством магов Эвиала безднах, где ему довелось сражаться, пытаясь исправить собственную ошибку, совершенную некогда в юности.

Он так и не нашел их. Они опоздали, безнадежно опоздали, беглецы успели скрыться, и взять их след он уже не сумел. Оно и понятно – не зря же пробудилась к жизни сила той бедняжки, которой он овладел прямо на улице!.. Конечно, она не могла управлять ею, но неосознанное желание – бежать, бежать как можно дальше, чтобы только скрыться от того ужаса, что неотступно должен был преследовать ее с того самого вечера, – это самое желание вполне могло исполнить за нее всю работу. И теперь нечего было даже надеяться на магию. И уж, конечно, они не будут настолько глупы, чтобы просто переехать в другой город. Скорее всего они забились в какую-нибудь глухомань, наложив на обитателей этих мест заклятье забвения. Недаром лазутчики, которых он разослал во все стороны от Зачарованного леса до Утеса Чародеев и от Темной реки до рубежей Царства Синь-И, так и вернулись ни с чем. Ему служили не за совесть, а за страх – однако страху он доверял гораздо больше, чем совести.

Ничего. Никаких следов, намеков или хотя бы догадок. Имущество распродано, все, до последней нитки, по которой он смог бы проследить владельца хоть до берегов самого Утонувшего Краба. Ничего не скажешь, орешек оказался куда тверже, чем он полагал. Ничем не мог помочь даже Ночной Народ – верный его спутник, тот самый вампир, у которого не было даже имени, расспрашивал всех своих сородичей, что встречались на пути, – опять же ничего.

Одно только хорошо – беглецам не пришло в голову отдаться под защиту того же Волшебного Двора. С Меганой он, быть может, еще бы и справился, но тогда бы от Зачарованного леса до Утеса Чародеев на сотни и сотни лиг протянулась выжженная пустыня – вместо цветущего княжества, других мелких королевств, вместо селений поури и гоблинов, вместо всего того, ради чего он и затеял все

предприятие.

Почему они не бросились к Мегане? Ответ был прост – стыд. Стыдно уважаемому чародею, с каким-никаким, а дипломом Ордоса, признавать, что его дочь беременна, не будучи в браке. А рассказу о нападении вампира скорее всего не поверят – решат, мол, выдумал, чтобы скрыть позор.

И они решили спрятаться. Конечно, не исключено, что они поняли, кто родился у них, каким внуком осчастливлен чародей по имени Велиом; но если они поняли, тогда уж точно должны были броситься к Мегане или даже к самому милорду ректору Ордоса.

Но они этого не сделали. Среди тех, кто служил Волшебному Двору, всегда находились недовольные – слуги, с которыми обошлись чересчур строго, к примеру; у него не было недостачи в прознатчиках, и все их донесения, совершенно независимо друг от друга, утверждали одно и то же: Велиом, его дочь Дариана и его внук, чье имя так и не удалось разузнать, во владениях Меганы не появлялись.

Что остается? Синь-И? Едва ли. Слишком далеко, да и не стоит чародею с запада появляться в тамошних пределах. Волшебников, живущих на восходном краю исполинского материка, не стоит недооценивать, пришельца они распознают быстро, и тогда ему несдобровать. А о способности Велиома отразить их натиск он, надо сказать, был крайне низкого мнения.

Но если они не переплыли море и не уехали на восток, то где же они? В какой богами и Спасителем забытой дыре прячутся? Время идет, заклятия совершают свою работу, и нет уже во всем Эвиале такой силы, что смогла бы повернуть вспять или хотя бы замедлить ее.

Он с раздражением поддернул левый рукав старой куртки – чуть пониже локтя по коже расползалось уродливого вида бугристое фиолетовое пятно. Из его середины торчал небольшой отросточек, неприятно извивавшийся и тычущийся в разные стороны, словно слепой щенок.

Пока еще слепой щенок.

Волшебник с трудом подавил неотвязное желание тотчас же, немедленно, отрубить себе левую руку по самое плечо. Другое дело, что это ничему уже не поможет. Страшны наложенные им заклятья и еще более страшна их отдача. Он перекрыл путь Зверю – но что теперь будет с ним, не знает никто.

И только его сын мог бы помочь ему.

Сын, которого он никак не может найти.

Дверь таверны распахнулась, на пороге неслышно возникла серая тень в долгополом алом плаще.

Трактирщик сунулся было наперерез – и, охнув, осел на пол при виде пары длинных игольчатых клыков, сверкнувших в тусклом свете факела.

Волшебник поднялся навстречу вампиру. Тот решился явиться сюда, пренебрег опасностью – в Княж-городе хватало сильных чародеев, не гнушавшихся выйти ночью с неурочным дозором; значит, случилось нечто из ряда вон.

– Садись и говори, – сказал он упырю.

– Мастер, – вампир задыхался, похоже, он добирался сюда по воздуху, перекинувшись в летучую мышь – трюк еще более опасный там, где было много сведущих в магии и ненавидящих Ночной Народ. – Мастер, пришли новые вести. Пятиречье, мастер, там разгромлено гнездо – разгромлено дочиста, никто не уцелел. Разгромлено при помощи сильной магии. Я проверил – там не появлялось никого ни с Волшебного Двора, ни из Белого Совета.

– Как это стало известно? – отрывисто спросил волшебник, голос его дрогнул.

– Огры, мастер, там было несколько огров. Их собратья за горами почувствовали их смерть и дали знать остальным.

– Как ты узнал?

– Эфраим, мастер, он принес вести.

Эфраим. Странствующий вампир, наверное, самый старый из ныне живущих. Очень, очень, очень осторожный, способный месяцами обходиться без человеческой крови – и только поэтому, наверное, доживший до своих лет. Ему, пожалуй, можно доверять.

– Хорошо, – сказал чародей. – Место известно?

– Нет, мастер, – вампир покачал головой. – Огры из-за Зубьих гор не знали точно, где находится гнездо. Самое большее, чего удалось добиться, – это в Пятиречье.

– Интересно, там ведь ходили наши, – задумчиво уронил волшебник.

– Истинно так, мастер, – значит, изгои прикрылись заклятьем. Значит, их можно обнаружить.

Вампир рассуждал совершенно правильно. Жаль только, что в данном случае это совершенно неисполнимо.

Волшебник со вздохом покачал головой.

– Если это так, Велиом оказался куда хитрее, чем я от него ожидал. Или же у него нашлись толковые советчики. Если они в Пятиречье и мои лазутчики ничего о них не знают – значит, они под прикрытием заклятья забвения. А его я не распознаю при всем желании, после того что мы с тобой сделали, – он выразительно потряс левой рукой, на которой свила гнездо отвратительная и чужая фиолетовая тварь.

Вампир мелко закивал.

– Да, да, мастер, я все понимаю, мастер.

– А раз понимаешь, подгони брауни, пусть уложат наши вещи, а то эти лентяи до утра провозятся. Мы выступаем немедленно. Придется ехать всю ночь.

– В Пятиречье, мастер?

– И как это ты только догадался, хотел бы я знать? – раздраженно бросил волшебник, запахиваясь в плащ и делая шаг к порогу.

* * *

Им предстояла дальняя дорога. Но самое главное: что они станут делать, оказавшись в Пятиречье? Заклятье забвения ему не обнаружить, сколько ни бейся. Искать разоренное гнездо? На это уйдут месяцы, которых у него нет. Самолично обшаривать все до единого селения и деревушки? Вздор, как он мог даже помыслить о такой глупости. Но тогда что же? Что? Что?!

Он думал молча, сосредоточенно, стараясь как можно точнее представить себе все собственные сильные стороны и все слабости врага. Нельзя было ни переоценить себя, ни недооценить неприятеля – потому что на вторую попытку времени уже не останется. Он не имеет выбора. Неудачи не должно быть. Его вина настолько огромна, что ее не искупить уже ничем, кроме удачи.

Первая часть плана осуществилась много месяцев назад – после чего они с вампиром и смогли вновь выбраться в Эвиал. Теперь предстояло иметь дело с последствиями своей первой победы.

Конечно, одна возможность у него имелась. Даже две, если быть совсем уж точным, – но вторая предусматривала капитуляцию либо перед Ордосом, либо перед Волшебным Двором, а на это у него никогда не хватило бы мужества. Он готов был смотреть в лицо своей судьбе, пусть даже самой страшной, – но он точно знал, что скорее даст разорвать себя на части каким-нибудь чудищам, чем окажется в казематах Инквизиции, упорно и упрямо разыскивавшей его по всему Эвиалу уже который год.

Оно и неудивительно – война с новосотворенным Зверем потребовала от него поистине небывалого. Он вскрывал старые кладбища и создавал армии скелетов и зомби, бросая их в бой против порождений своего врага. Он не колеблясь убивал людей, если дело требовало их смерти. Он давно уже приговорил самого себя и потому не испытывал ни страха, ни сомнений. Но оказаться в руках Инквизиции – нет, это было выше его сил.

Ведь, в конце концов, он был рожден человеком.

Итак, первая возможность. Он содрогнулся при одной мысли о ней. Как такое вообще может прийти ему в голову? Или – он поежился, вспомнив о проклюнувшемся на руке фиолетовом бутоне, – это означает, что от человека во мне осталась только личина?

Подобные мысли он старался гнать. Отдача от его заклятий оказалась слишком велика. Непомерно велика. И время, отпущенное ему, время, пока он еще мог сопротивляться, неумолимо истекало.

Скоро придет пора уходить.

А это означало, что ему придется забыть обо всем, кроме необходимости достичь цели.

Сколько было говорено о том, что цель не может оправдывать средства. Но что делать, если цель не только что оправдывает, но просто диктует средства?

Прочь, прочь эти мысли, оборвал он себя. Если это его путь, он пройдет его до конца, какова б ни оказалась цена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nik-perumov/doch-nekromanta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити